

Dukkon, Ágnes

Монография Ю.В. Манна

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. X, Řada literárněvědné slavistiky. 2007, vol. 56, iss. X10, pp. 179-181

ISBN 978-80-210-4274-2

ISSN 1212-1509

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/103071>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

представляет типичный литературоведный компаративистский текст, забывает се jeho máchovskými studiiemi a tvrzeními o nehistoričnosti díla Jaroslava Vrchlického. Střítecký poukázal na Krejčího vlastenečství v souvislosti s uveřejněním článků o T. G. Masarykovi a na znovuobjevení Svatopluka Čecha. Sborník uzavírá příspěvek **Jana Zouhara** *Čechy a Evropa*, v němž se zamýšlí nad přínosem 60. let minulého století, která byla v našich zemích poznamenána významným pokusem o ekonomickou, politickou a duchovní reformu společnosti a která znamenala sice velmi omezenou, ale přece jen postupnou možnost pro veřejné vystoupení nemarxistických myslitelů. Poukázal i na přijetí existencialismu jako módního filozofického směru 60. let.

Autoři příspěvků sborníku podtrhli víceborovost, vědomí souvislostí, spojitost témat a kontextualitu, již si významný český slavista a komparatista, bohemista a polonista Karel Krejčí, uvědomoval, a interdisciplinárnost sympozia v pluralitě vědních oblastí, které na něm byly zastoupeny. Současně se ukázalo, že jádrem všech přístupů, na rozdíl od podobných setkání, je filologičnost a literárnost. Z příspěvků je patrné, že K. Krejčího téměř od počátku vědecké práce i polonistického bádání zajímalo společenské, politické a hospodářské pozadí polské literatury a tato východiska pak prakticky uplatňoval ve své literárněvědné práci, především osobitými sociologickými a komparatistickými postupy. Texty dokazují, že K. Krejčí byl významnou vědeckou osobností širokého záběru a že jeho zásluhou dosáhla česká literárněvědná polonistika světové úrovně, ne vždy ovšem dostatečně oceněná v domácím prostředí. Sborník je přínosnou příručkou pro zájemce o literární komparatistiku a pro studenty slavistiky a polonistiky.

Radka Morongová

МОНОГРАФИЯ Ю. В. МАННА

Юрий Манн: *Гоголь. Труды и дни 1809–1845*. Аспект Пресс, Москва 2004, 813 с., 32 илл.

Монография Ю. В. Манна – в значительно доработанном и дополненном виде – является продолжением его же книги «Сквозь видный миру смех...» *Жизнь Гоголя 1812–1835* (Москва 1994). Рецензуемый том прослеживает биографию писателя до 1845 г., а хроника последнего периода его жизни (1845–1852 гг.) уже тоже готовится к печати.

В предыдущие годы (2001, 2003) под редакцией Ю. Манна появились два тома 23-х томного критического издания Гоголя (нами рецензуемые в *Studia Slavica Hung.* 2002/1, 2005/2), в которых он и сотрудники РАН Института Мировой Литературы им. Горького опубликовали кроме текстов произведений, множество ценных филологических сведений, начиная с текстологических проблем до рецепции отдельных произведений. Первый том содержит ранние произведения первого периода творчества писателя: поэму «Ганц Кюхельгартен», цикл новелл «Вечера на хуторе близ Диканьки», а четвертый – опередив второй и третий том – полностью посвящен комедии «Ревизор».

Настоящая монография строится на этой обширной научной основе, но все таки, или, может быть, именно поэтому удастся автору создавать чрезвычайно живую картину о жизненном пути Гоголя до 1845 г. Манн создаёт портрет «своего героя» с помощью многочисленных документов, с различных точек зрения, сохраняя при этом тонкие границы субъективности и объективности.

В рамках рецензии невозможно дать полного и исчерпывающего анализа тома такого объема (813 с.): из богатого материала мы выделили лишь несколько важных проблем.

В предисловии Ю. Манн указывает на главную трудность задачи: жизнь писателя не богата внешними событиями, он, скрытный по характеру, не охотно делился со знакомыми своими внутренними переживаниями. Автор книги приводит интересные цитаты из воспоминаний С. Т. Аксакова о лиричности, «протеичности» психологического склада Гоголя, о его стремлении к самосовершенствованию, о его вечном недовольстве собой и свойственном ему чуждении незнакомых людей, торжественных ситуаций и т. п. Таково напр. бегство от публики, желавшей увидеть писателя после спектакля «Ревизора» в Москве 17 октября 1839

г. (с. 552–553). По мнению Манна, прежние биографии (труды П. А. Кулиша, В. И. Шенрока, К. В. Мочульского) именно из-за этой неуловимости гоголевской психики не могли дать завершенную картину о жизни Гоголя, в настоящей монографии также необходимо учитывать эту особенность душевного склада художника. Поэтому в подзаголовке автор выбрал «Труды и дни»: внутренняя, духовная жизнь отражается в трудах, а дни тем и интересны, что в глубине созревают, рождаются будущие труды. Нам хочется указать здесь на интересные, и очень характерные для гоголевского творчества ассоциации, а именно: «Труды и дни» – «Эрга как хемера» это произведение древнегреческого автора, Гесиода [Hesiodos], но интертекстуальная ссылка в заглавии – сознательно или несознательно выбранная – всего точнее определяет жизнь, даже жизненную философию Гоголя. Творчество понимается им как оправдание жизни, как своего рода жертвоприношение. С другой стороны, античное искусство будет для Гоголя очень важным и с эстетической стороны. После появления его «украинских циклов» («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород») в восторженной критике К. Аксакова проводилось сравнение с Гомером, которое потом часто повторялось современниками в связи с природой гоголевского таланта. К этому добавилось позднее увлечение писателя Италией, а главным образом Римом, таким образом сформировался своеобразный синкретизм христианского и языческого начала в его художественном видении. Манн цитирует П. Анненкова о мнении Гоголя на рубеже 1840–х годов относительно античного искусства: «То была религия, иначе нельзя бы и проникнуться таким чувством красоты» (с. 598).

Другую ассоциацию с античностью вызывает часто повторяющаяся характеристика в мемуарах, письмах знакомых Гоголя о его скрытности, «неуловимости»: это мифическое божество Протей, который вечно изменял форму, чтобы не могли его уловить, а если кому-либо все таки удалось это, тому он говорил пророчество. Сам Гоголь, особенно к середине 1840–х гг. смотрел на свою литературную задачу как на своего рода миссию: не обличение чиновников, не высмеивание недостатков русской жизни, а пророчество обращения и через это коренного обновления человека. Он попробовал, трансформируя эстетические точки зрения в этическую и религиозную сферу, с помощью эстетики служить экзистенциальным целям. Ю. Манн с начала до конца книги прослеживает этот мотив в биографии Гоголя и таким образом ему удается доказать преемственность в жизни и творчестве: кризисы и т. н. необъяснимые жесты и болезни (психосоматические) не раз вытекают из этого требования к себе. «Мертвые души» писались под этим знаком, особенно второй том, и нежелание говорить «до времени» о промежуточной фазе работы, об отдельных главах, напоминает бегство Протея от любопытства людей.

Монография разделяется на две книги: «Книга 1» прослеживает жизнь Гоголя с 1809 по 1835 гг. (от предков до первых литературных успехов), а «Книга 2» показывает путь с 1835 по 1845 гг. Обе книги содержат по три части и под ними маленькие главки, их заглавия, часто представляющие собой цитаты, взятые из различных документов (напр. из писем Гоголя и других лиц), очень метко сгруппированы автором монографии. Напр. «Книга 1, *Часть первая*»: «Я приметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства...», «Гамошние профессора большие бестии», «В дороге! В дороге!», *Часть вторая*: «Везде совершенно я встречал одни неудачи», «Хвостики душевного состояния», «Я тружусь, как лошадь»; Книга 2, *Часть вторая*: «Знаете ли, что такое паромод?» «Славная собака Париж» и т. п.

Некоторые главки в форме вопроса ориентируют читателя, или возбуждают любопытство, напр. «Почему Гоголю не дали премию» (с. 426–429), «Зачем сожжен второй том *Мертвых душ*?» (с. 733–736). Среди заглавий бросается в глаза повторение понятий «дороги» и «пути»: «Я совершу свой путь в сем мире...» (с. 74–84), «Тысяча путей» (с. 173–181), «Путь на сцену» (с. 399–404), «Перед дальней дорогой» (с. 448–453), «Путь на родину» (с. 542–547), «Дорога и кризис» (с. 581–586), «На пути в Россию» (с. 599–606) и т. п. Автор книги таким образом связывает поэтику Гоголя с жизнью: путь как символ и как конкретная действительность – также протейистическим образом, т. е. неуловимо, но в целом все таки ощутимо – определяют друг друга.

Центральные темы монографии организуются вокруг произведений («трудов»): как создавалась поэма «Ганц Кюхельгартен», какие личные и литературные связи и события окру-

жали цикл «Диканьки...», знакомство с Жуковским, Пушкиным, Плетневым, с семейством С. Т. Аксакова, дружба с «однокорытниками», т. е. выпускниками Нежинской Гимназии высших наук (Данилевский, Прокопович), как маленькие, но яркие элементы составляют часть огромной мозаичной картины жизни писателя. Много интересных фактов содержат главы о создании и рецепции «Ревизора»: о роли Пушкина в генезисе, о премьерах в Санкт-Петербурге и Москве (помощь императора Николая I, расхождения в оценках современников, проблематичность гоголевского комизма и. т. д.). Одним из лучших интерпретаторов событий вокруг «Ревизора» и его автора является П. В. Анненков, который и позже имел возможность вблизи наблюдать «труды и дни» Гоголя: в Риме, в мае 1841 г. он переписывает главы «Мертвых душ» под диктовку писателя (с. 590–592).

Что касается «дней» Гоголя, т. е. периодов между творением отдельных произведений, мы получаем о них чрезвычайно детальную картину. Возникает чувство, как будто автор книги – и читатель – путешествует вместе с Гоголем, так живо описываются города и люди, впечатления в Германии, Швейцарии, Италии и Франции. Поездки в Италию и пребывание там отчасти реконструируются на основе новых исследований Ванды Гасперович и Риты Джулиани, но чувствуется, что и автор сам побывал в этих местах.

Среди важных тем монографии стоит упомянуть и развитие чувств, увлечения души и сердца. Особенно интересно проследить историю двух глубоких и интенсивных дружб: к Иосифу Виельгорскому и А.О. Смирновой-Россет. С первым Гоголь познакомился осенью 1838 г., когда большой юноша («питомец пажеского корпуса, соученик наследника престола, будущего царя Александра II») с отцом приехал в Рим лечиться. Дружба их продолжалась недолго: в мае 1839 г. молодой граф Виельгорский умер. Его смерть глубоко потрясла Гоголя – как и других близких знакомых – и писатель по просьбе отца юноши написал некролог, эссе «Ночи на вилле» («единственное известное автобиографическое художественное произведение», с. 541). Ю. Манн в интерпретации этого эссе полемизирует с Саймоном Карлинским, по книге которого «в гоголевском тексте порою видят выражение гомосексуальных наклонностей писателя» (с. 538). Автор приводит убедительные аргументы – литературные, психологические и из истории ментальности – против этого предположения.

С. О. Смирновой-Россет Гоголь познакомился, как и с Пушкиным, еще в 1831 г., и потом их жизненные пути и путешествия на Запад несколько раз пересекались. «Черноокая Россети» – как называл ее Пушкин – умная и образованная фрейлина, впоследствии жена высокопоставленного чиновника, стала близкой и мудрой подругой писателя. Она сама страдала припадками меланхолии и депрессии, поэтому смогла понять сложную психику Гоголя. Их религиозность тоже была похожа, хотя Смирнова более гармонично, без экзальтаций умела согласовывать духовность и светскую жизнь. К середине 1840–х гг. Гоголь даже думал о монашестве, советовался об этом с служившим в Веймаре отцом Сабининым – но он не одобрил намерение писателя. Также интересно узнать подробности о том, как глубоко интересовался Гоголь католическим средневековьем и мистикой: он читал Фому Кемпийского, Франциска Ассизского и отцов церкви. В Риме он часто общался с католиками (поляками и русскими), но не думал переменить свою православную религию на католическую, потому что видел в обеих формах одну и ту же сущность. Терпимость и осторожность характеризуют Гоголя и по отношению к западничеству и славянофильству: он стоит ближе к последнему, но крайностей не любит (см. полемику с К. Аксаковым, 574–577). Для него моральные и художественные проблемы оказались важнее, чем идеологические конструкции и политические размежевания эпохи.

Если мысленно пробежать через все интересные личные связи и знакомства Гоголя, – начиная с нежинских преподавателей до литераторов и художников в России и за границей, до интересных, аристократических дам, до знатных, придворных лиц и до самого императора Николая II – получается огромное табло европейской и русской культуры первой половины XIX века. Книгу Ю. Манна именно поэтому можно оценить не только как замечательную биографию Гоголя, но и как богатую, подробную хронику быта и духа эпохи.

Агнеш Дуккон